

Д. В. ФИЛОСОФОВ

Голос мирян

Предсоборная комиссия временно, по случаю летних вакансий, прекратила свои занятия¹.

Долго ли продлится это отдохновение обремененных трудами членов комиссии — сказать трудно, не зная точно, когда начнется сезон. Известно, что в России времена года теперь совершенно спутались. Пожалуй, никаких «времен» у нас больше нет. Наступило безвременье, полярная, беспросветная зима. Все замерло и замерзло. Зима, впрочем, имеет свои хорошие, гигиенические стороны. Все вонючие лужи подмерзают, и кажется, что живешь в чистом воздухе. Один из последних славянофилов, Константин Леонтьев, который из ведомства цензуры перекочевал прямо в Оптину пустынь, советовал даже русскому правительству брать пример с «Дедки-морозки». «Надо, — говорит он, — заморозить русскую культуру. Это предохранит Россию от разложения». Он давал мудрый совет. Только морозом наше правительство и спасалось. А как началась — после японской войны — оттепель, пошли такие, по выражению Лескова, «фимиазмы», что только нос затыкай!

Вероятно, и предсоборная комиссия рассчитывает, что зима будет бесконечная, а потому и не торопится с возобновлением своих занятий. Время терпит. Реформы нужны только при оттепели. А пока что можно заняться производством мороженого. Это дело знакомое, обычное.

И началось гонение на духовенство, на то духовенство, которое, забыв, по мнению наших иерархов, заветы Христа, кощунственно восстало против смертной казни. Говорят, что в суздальской монастырской тюрьме произведен ремонт и приготовлены вновь отделанные помещения для новых жильцов. В Думе священники столь много говорили и волновались, что им не вред-

но отдохнуть; отдыхают же и члены предсоборной комиссии! Они тоже утомились. Признаться, они имеют право на отдых. Столько важных вопросов решили. Профессора блеснули своей эрудицией, присяжный поверенный Кузнецов написал столько докладов, что, кажется, их и не перечесть. Генерал Киреев поразил всех своим богословским образованием (а еще говорят о неспособности наших генералов!), а г. Нейдгардт очень тактично и уместно, как и все «истинно русские люди», вроде Грингмута, Клейгельса, Гурлянда и многих других, упомянул при обсуждении вопроса об отношении Церкви к государству о... своих верноподданнических чувствах. Таким кратким, но сильным заявлением ограничилась вся роль этого члена предсоборной комиссии из мирян. Хорошо, что в состав комиссии были приглашены «миряне»!²

К сожалению, миряне «неприглашенные» менее тактичны. Их голос звучит несколько иначе, чем голос гг. Киреева и Нейдгардта. Их лира настроена не так весело и мирно.

Недавно несколько таких «бестактных» мирян выпустили сборник своих статей, под общим заглавием «Вопросы религии»³.

В то время как в предсоборной комиссии выволакивают на свет Божий из-под груды пыли разные «эклоги», преют о теории «пяти чувств», умиляются перед премудростью Феодора Вальсамона, который хитро сплел в один узел Христа... с императором Тиверием, «оглашенные» миряне занялись вопросами более жгучими. Одна статья (В. Свенцицкого) посвящена христианскому отношению к власти и насилию, другая (С. Булгакова) — отношению Церкви к культуре и государству, третья (В. Эрн) — церковному возрождению и т. д.

Темы все колючие. И нельзя сказать, чтобы трактовались они мирно и благодушно. Правда, Вальсамоны и тому подобные авторитеты в их рассуждениях роли не играют. Они все больше ссылаются на одну довольно распространенную книгу, цитировать которую члены предсоборной комиссии упорно избегают. Я говорю о... Евангелии.

В сущности, члены предсоборной комиссии поступают тактично. Уж очень Евангелие несовместимо с Вальсамонами, Юстинианами, смертной казнью и военно-полевыми судами...

Кроме статей, так сказать, теоретических, в сборнике помещена любопытнейшая биография одного русского инока, архимандрита Серапиона (Машкина), скончавшегося 20 февраля 1905 года в Оптиной пустыни. Он родился в 1855 году в зажиточной дворянской семье. Образование получил в морском учи-

лице. В 1876 году вышел в отставку в чине мичмана и поступил вольнослушателем на естественный факультет, который и окончил в 1884 году. Затем шесть лет Мошкин пробыл на Афоне. Вернувшись оттуда, он поступил в Московскую духовную академию и по окончании ее был удостоен степени кандидата богословия. С 1900 года он жил на покое в Оптиной пустыни. По жизни это был настоящий подвижник. Автор статьи о нем, П. Флоренский, приводит целый ряд фактов, ярко иллюстрирующих жизнь, или вернее, житие, этого святого человека. В нем как-то удивительно соединялась высокая культура ума — он был выдающимся математиком и оставил большой философский труд — с христианским смирением, с душевной ясностью и простотой. Но ведя чисто затворническую жизнь, соблюдая во всех мелочах строгий монастырский устав, упорно работая над своей философской книгой, о. Серапион вместе с тем живо интересовался миром и тем, что в нем делается.

Вот, напр<имер>, что он писал Флоренскому 3 февраля 1905 г. по поводу Московской духовной академии.

«Академия не частный человек, а общественный институт. И что может быть дозволено частному человеку, то не может быть дозволено общественному учреждению. Или, может быть, наши “отцы” смотрят на академию как на учреждение не общественное, а государственное? В самом деле, что такое как не измена Иисусу воздаяние “Божьего Кесарю”? Наши же “отцы” воздают и Божье Кесарю. И учат так людей. А что это действительно так, не трудно убедиться: фактов хоть отгребай» И далее о. Серапион приводит «факты». «Нет, я не согласен быть архиереем, — пишет он дальше, — и если бы предложили, то отказался бы: совесть моя запрещает мне быть полицейским на месте пастыря Христовых овец».

Особенно огорчает благочестивого инока о. Иоанн Кронштадтский. В сборнике напечатаны два письма Серапиона к о. Иоанну, в которых он властно обличает средневековые идеалы этого популярного батюшки. «Вы говорите, — писал он 5 декабря 1904 г., — что печать долго домогалась полной свободы и, наконец, достучалась, что прежде она была нередко беспутна, а теперь больше. Позвольте вас спросить, что, собственно, вы называете “беспутством печати”? Неужели этим именем вы называете стремление всех лучших людей России вспомнить святыя заветы великой эпохи царствования императора Александра II, его освободительного периода? Не может же быть, чтобы вы могли считать крепостничество христианским идеалом».

И дальше:

«С одной стороны, свобода слова, свобода общественного мнения... с другой — рабское молчание общества, вместо жизни — одни мертвые канцелярские проволочки и подпольные протесты, злые, так как они сдавлены. На какой стороне Христос? Ясно как Божий день: на первой, так как где дух Христов, там и свобода».

Надо прочесть всю интересную статью Флоренского, чтобы оценить по достоинству замечательную личность этого выдающегося православного монаха. Естественно, что он должен был кончить свою жизнь «на покое», не у дел.

Вероятно, книга «Вопросы религии» не встретит сочувствия в официальной Церкви. Слишком ярко христианское настроение авторов, не вмещающееся в рамки православия. А вместе с тем группа людей, издавшая сборник, оболещает себя иллюзиями, что голос ее будет услышан, и если Церковь его не услышит, то исключительно «по злонавию». Думается, что это величайшее заблуждение. Православие имеет свою историю и свою метафизику, присущие только ему одному, как специальной форме исторического христианства. Требовать реформы православия, не считаясь с его историей и метафизикой, нелогично. И если бы наша Церковь, послушав Булгакова, Эрна, Свенцицкого и др., произвела бы все требуемые ими реформы, из которых первая — разрыв ее связи с абсолютизмом, то она перестала бы быть православной, так же как католическая Церковь стала бы лютеранской, если бы последовала за Лютером. Поэтому реформа православия невозможна. Сознают ли это сотрудники сборника? Они предъявляют, с точки зрения церковной, чисто революционные требования и думают, что Церковь может на них пойти, не отказавшись от себя. Пора же наконец признать, что историческое христианство своей ответственности не имеет, и если оно выходит из монастыря в мир, то оно фатально благословляет цезаря, все равно, в форме ли цезаризма или папства.

Этого не видят или не хотят видеть Булгаков и его товарищи. То, что они говорят, могут говорить лишь люди, вышедшие из данной исторической Церкви. Оставаясь же внутри ее, они сами себя обессиливают и приходят к абсурду. Поэтому, как ни благородны пожелания участников сборника, как ни искренен их гнев, все их начинание, мне кажется, останется бесплодным до тех пор, пока они не выяснят точно и ясно своего отношения к православию. О. Серапион ушел из мира, и нельзя не видеть, что православен он был только как инок, как аскет. Общественность же его была не церковная и, уж конеч-

но, не православная. То же, в сущности, замечается и у издателей сборника. Они страдают от компромиссов и по долгу религиозной совести призывают к неуклонному проведению в жизнь заветов Христа. Этот призыв, особенно у Эрна и Свенцицкого, звучит порою так строго и с такой властью, что напоминает давно знакомый голос... отца Матвея Ржевского, того самого, который заставил Гоголя сжечь вторую часть «Мертвых душ»! Идеал личной святости у них тот же, что и в православии, т. е. аскетизм, но вместе с тем они пытаются создать и теократический идеал, т. е. религиозную общественность, и здесь коренным образом они расходятся с Церковью. Булгаков хочет примирить православие и культуру, так сказать, втиснуть культуру в православную Церковь. Но в какой мере это осуществимо? Знаменитый «Силлабус» Пия IX, того папы, которого Ренан иронически называет «гениальным», очень верно и точно выражает отношение исторического христианства к гуманизму⁴. В этом «Силлабусе» все предано проклятию, а социализм наравне с «библейскими обществами» и «либеральным католицизмом» — названы «чумой» (sic!). Многих обольстила энциклика Льва XIII по рабочему вопросу (*Rerum novarum*), и началась пропаганда так называемого «католического социализма»⁵. Но это все иллюзии. Если церкви приспособляются к «духу времени», то исключительно с целью воспользоваться новым оружием, для вящего торжества своих реакционных идеалов.

Сам Свенцицкий восстает против «фельетонного», как он говорит, христианства, против либеральничанья нашего духовенства. Он считает это «полуистиной». Его требования гораздо радикальнее. Но если так, то как же он может возлагать свои надежды на реформу православия, требовать, чтобы оно благословило освободительное движение? Здесь какое-то зияющее противоречие. Отдельные личности из православной Церкви, например тот же Серапион, могут это сделать, но Церковь как целое на это совершенно неспособна. Несмотря ни на что, «Силлабус» есть общественное *profession de foi* и католичества, и православия. Известное послание Синода после девятого января или недавнее пастырское послание митрополита Антония — русская иллюстрация к католическому «Силлабусу»⁶.

Как этого не сознают Булгаков и его сотоварищи — уму не постижимо.

Или они пророки «вселенского» христианства, и тогда они не имеют права ставить знак равенства между христианством и историческими формами его воплощения (католичество и пра-

вославие) или они чада православной Церкви, тогда вся их проповедь — иллюзия, а их надежды на церковный Собор совершенно фантастичны.

Когда августинский монах Лютер начал свою борьбу с злоупотреблениями католической Церкви, он был приблизительно так же настроен, как и Булгаков с сотоварищами. Известно, чем кончилась эта борьба. Католичество созвало Тридентский собор, на котором были упорядочены некоторые уже слишком соблазнительные приемы Церкви, а Лютер, преданный анафеме, пошел своей дорогой.

Наш Собор будет, по всей вероятности, вторым Тридентом⁷. В лучшем случае, он уменьшит консисторское взяточничество и пьянство деревенских псаломщиков. И так же, как русское общество идет напролом своей дорогой, так же и Булгакову с сотоварищами надо идти до конца своей дорогой.

1906

